

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационное исследование

Борисенко Алисы Юльевны «ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР НАРОДОВ СИБИРИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ К НЕЙ РАЙОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЕВРОПЕЙСКИМИ УЧЕНЫМИ В КОНЦЕ XVII- НАЧАЛЕ XX ВЕКА», представленное на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3 - Археология (исторические науки)

Актуальность исследования. Диссертация Алисы Юльевны Борисенко «Изучение древних и традиционных культур народов Сибири и прилегающих к ней районов Центральной Азии европейскими учеными в конце XVII - начале XX века» посвящена важной научной теме. В археологических исследованиях преобладают работы источниковедческого характера, что вполне закономерно и обусловлено особенностями науки. Однако в связи с изменением социальных условий возникает необходимость пересмотра основных оценок формирования отдельных направлений и роли отдельных групп ученых в развитии науки, вызывающая к жизни историографические работы масштабного уровня обобщения. Так что актуальность обновления современных оценок истории науки и ее достижений в региональном контексте сомнения не вызывает.

Новизна работы. Автором диссертационного сочинения проделана очень большая работа по обобщению материалов рукописей и публикаций почти за два с половиной века периода становления отечественной науки и по выявлению роли в этом процессе европейских исследователей, а также по анализу не только современной историографической литературы, но и частных публикаций, затрагивающих находки и коллекции из дореволюционных сборов и экспедиций. В таком объеме и в таком аспекте исследование проводится впервые. Рукопись содержит много ценных фактов, уточнений по видам деятельности и объему проведенных работ конкретными учеными, некоторые из них обнародованы впервые.

Степень обоснованности научных положений и выводов. В диссертации Алисы Юльевны Борисенко вполне логично и обоснованно выделены периоды

зарождения и формирования интереса к древностям, становления методик и основной проблематики в изучении древних культур, методики исследований в регионе. Ею сделаны оправданные выводы по всем хронологическим этапам своего исследования. Соискательницей вынесены на защиту 4 основных положения по теме в целом.

1. Научное изучение древних и традиционных культур народов Северной и Центральной Азии европейскими исследователями формировалось в условиях расширения территории Российской империи к восточным окраинам и обуславливалось необходимостью закрепления за государством новых территорий.

2. Эволюция взглядов на культурную принадлежность древних памятников Северной и Центральной Азии связана с деятельностью европейских ученых конца XVII- начала XX вв.

3. Научное наследие европейских ученых конца XVII- начала XX вв. может рассматриваться как самостоятельный источниковедческий феномен.

4. Исследовательская и собирательская деятельность европейцев конца XVII- начала XX вв. в Сибири и прилегающих территориях стала стимулирующим фактором для развития российской археологии, этнографии, истории и других исторических наук.

По существу три из четырех основных положений диссертации являются аргументированными, однако два первых тезиса сформулированы не корректно, так как автор использует географический термин «Северная Азия» как синоним слову «Сибирь», исключая при этом Дальний Восток из его содержания. А в работе, согласно ее названию, фактически рассматривается изучение только Сибири, изучение Дальнего Востока в ее задачи не входило. Вряд ли можно считать доказанным положение о решающем вкладе в эволюцию взглядов на древние культуры именно европейских ученых конца XVII- начала XX вв. Если не ограничить период превалирующего влияния иностранцев на формирование отечественной научной мысли XVII-XVIII вв., то тем самым игнорируются многочисленные экспедиции и сборы российских ученых, поступавшие в Эрмитаж,

образовавшие коллекции 16 краеведческих музеев (П.К. Фролов, А.П. Степанов, Г.И. Спасский – в первой половине XIX в.; Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, В.М. Флоринский, А.В. Адрианов, С.К. Кузнецов, С.М.Чугунов, И.Т. Савенков, Б.Э. Петри, Ю.Д. Талько-Грынцевич, Н.М. Мартьянов И.А., Матвеев, А.С. Еленев, М.С. Знаменский, И.Я. Словцов и десятки других во второй половине XIX в.), информация о деятельности сибирских отделов РГО, Московского археологического общества, Императорской археологической комиссии, Томского, Иркутского университетов, публикации, участие во Всероссийских съездах, подготовка местных кадров.

Работа представлена к защите по специальности «археология», однако этнографический материал в ней в ряде разделов преобладает. Вызывает также удивление, что круг диссертационного исследования ограничен преимущественно немецкоязычными авторами; подданные Российской империи с немецкими фамилиями во многих случаях включены в число европейских исследователей (С. 102, 311 - Д.А. Клеменц, С. 225 - Э. Эйхвальд, С. 239 – А. Шренк). Определение «европейские ученые» автором сочинения понимается слишком расширительно, включая всех иностранцев, бывших на русской административной и военной службе.

В главе 1, посвященной истории изучения темы и ее историографии, к сожалению, нет дискуссии с авторами специальных историографических трудов по археологии Сибири и Восточного Туркестана. Различия в оценках конкретных персон, например, с В.И. Матюшенко, Л.Ю. Китовой, Б.А. Литвинским, обнаруживаются только при сопоставлении их текстов с диссертацией. Возникли и частные замечания: идет речь о заслугах в народоведении И. Фалька и И. Георги (С. 55-58), но не анализируется роль их материалов для археологии, приведен обзор работ Ф. фон Шварца по истории Туркестана, обзор монографии М.К. Ланг – также без связи с археологией (С. 77, 81, 82, 83, 93). Как мне кажется, неоправданно включен в обсуждение ряд публикаций современных исследователей: Шандры А., Новохатко О., Бойченко Я., Боркина Л., Бондарь Л. о вкладе европейских ученых в изучение языков и истории народов рассматриваемого региона. Как мне показалось, диссертация содержит завуалированный намек на недооценку вклада немецких

ученых в связи с борьбой с космополитизмом в послевоенные годы (С. 107), но тогда следовало бы рассмотреть этот вопрос обстоятельно.

В главе 2 ценным авторским разделом является рассмотрение вопроса о том, какие территории в разное время назывались Сибирью (С. 122). Хорошо прописаны отличия заметок путешественников разных периодов в связи с развитием научного мышления, ценно описание деятельности Н.К. Витсена, позволяющее представить уровень его знаний, кругозора и возможностей сбора данных (С. 131-133). Но включения излишней информации, например, о географических результатах морских экспедиций, комплектовании офицерских кадров, развитии горно-рудной промышленности (С. 98-101), современных интерпретаций международной торговли древности и средневековья (С. 144-147) не позволили разделу принять надлежащую стройность и конкретность.

Глава 3, рассматривающая работы второй половины XVIII – первой половины XIX вв., сосредоточена на именах выдающихся деятелей Академических экспедиций. Следует согласиться с Алисой Юльевой в оценке размаха и особенностей применения европейцами исследовательских методов, с выводом о высоком историческом профессионализме Г.Ф. Миллера (С.185-186). Важным является заключение о совместной разработке классификации курганов и городищ по их внешним признакам, выполненной И.Г. Гmeliном и Г.Ф. Миллером, но опубликованной первым под своим именем. Новой информацией о личностях Миллера и Стеллера являются сведения о составлении ими проекта по развитию Сибири и обращении в Сенат о тяжелом положении аборигенов. Причиной недостаточного освещения в печати коллекций известных европейских ученых соискатель считает негативные правила Академии наук о не допуске авторов сборов к публикации своих коллекций (С.262).

Положительно следует оценить введение имен ученых, анализировавших материалы из сборов своих коллег (И. Бакмейстер, А. Бальзер, Э. Муральт), которые обычно в отечественной литературе не фигурируют. Заявление о приоритете А. Гумбольдта в установлении скифского характера культуры народов Алтая (С. 227) противоречит здесь же описанной гипотезе Э. Эйхвальда, высказанной за 10 лет до

этого. Убедительно продемонстрирован интерес ботаников, географов и инженеров в области горного дела к древним выработкам, рассказано о сборах ими соответствующих находок, непрофессиональных раскопках курганов, поддерживавших интерес к Сибири. Но в отличие от А.Ю. Борисенко, я вижу в этом собирательский этап интереса к древностям, не завершившийся сколько-нибудь значительными научными выводами, что не позволяет говорить о каком-то решающем влиянии европейской науки в этот период на российскую. Тогда как сибирский исследователь Матвей Матвеевич Геденштром на фактическом материале Прибайкалья вслед за А.Н. Радищевым и за 6 лет до Томсена обосновал каменный, бронзовый и железный век (1830 г.), а члены-корреспонденты Академии наук Г.И. Спасский и Э.И. Эйхвальд выступали с историческими обобщениями.

В этой главе по несколько страниц занимает описание этнографических наблюдений каждого исследователя: Мессершмидта (С. 155-165), Миллера (С. 188-189), Стеллера (С. 194-198), Георги (С. 211-215), посольства графа Головкина в Китай и его участника Теслеффа (С. 241-258) без связи с археологией (преимущественно жилища, костюмы, акварели, медицинские занятия быт и религия, атрибуты буддизма).

Глава 4 посвящена наиболее значительным работам, связанным уже с формированием концепций развития народов Сибири и Центральной Азии, открытиями наиболее важных памятников. Интересны факты использования химических анализов, типологического метода для группировки древностей В.В. Радловым (С. 266). Введено в науку малоизвестное имя финского ученого Сакари Пялси (С. 277). Историографический интерес представляют сведения об ошибочных трактовках тагарских бронз Р. Вирхова, сделанных по фотографиям Ф. Мартина, поскольку это довольно типичная картина работы европейцев с сибирскими источниками (С. 294-297). В отношении фон Ле Кока А.Ю. Борисенко констатирует разносторонность интересов исследователя, разработку им тем истории вооружения, костюма и верований раннего Средневековья, в частности истории манихейства по сюжетам росписей уйгурских храмов в Центральной Азии (С. 314). Значительный фрагмент посвящен фигуре Г. Хута, наряду с этнографией и лингвистикой занимавшегося трактовкой археологических открытий в Синцзяне (С.

316-322) и одним из первых обратившего внимание на природно-климатическую обусловленность развития культур этого региона, роль маршрутов Великого шелкового пути в экономике и многообразии культурных традиций, заимствованиях из искусства Северо-Западной Индии. Общий характер оценок исследователя возражения не вызывает, однако частные замечания нельзя не высказать.

Несмотря на подчеркивание значительной роли В.В. Радлова, осталось не ясным, каково основание отнесения его к европейским ученым (видимо, факт рождения и обучения в Берлине), нет характеристики его трудов. Например, акад. Б.Б. Литвинский в 1 томе издания «Восточный Туркестан в древности и средневековье» пишет о нем как о русском исследователе (с 22 лет работал в России) и организаторе, выступавшем от имени российского правительства и работавшем на его средства (Литвинский, 1988, с. 31), однако А.Ю. Борисенко инициативу создания Международной ассоциации изучения Центральной Азии приписывает не ему, а Д.А. Клеменцу (С. 311), впрочем, тоже российскому ученому. Заслуги А. Гейкеля автор диссертации видит только в раскопках средневековых курганов и копировании рунических надписей в Туве и Монголии (С. 273-274), упустив его книгу по археологии Западной Сибири. Большое внимание автором диссертации уделено И. Грано (С. 277-292). Характер изложения здесь противоречит принятому в диссертации ранее перечислению идей, маршрутов и находок, совершенно не следовало включать описания размеров курганов и планиграфии могильников. Вывод об ограниченности зон работ конными тропами и скудости использования диагностических признаков археологических объектов не объясняет, почему А.Ю. Борисенко уделяет данному автору 15 страниц текста.

А.Ю. Борисенко перечисляет 3 экспедиции шведа Свена Гедина и 4 экспедиции англичанина Марка Аурела Стейна в Восточный Туркестан, но никакой характеристики работам последнего не дает (С. 312), хотя они считаются одними из великих достижений мировой археологии. Видимо, автору диссертации остался не известным 3-томник «Восточный Туркестан в древности и средневековье», опубликованный издательством «Восточная литература», где такие характеристики содержатся (т. 1, 1988 г.), не говоря уже о европейской научной литературе. Соответственно замалчивается приоритет А. Стейна в датировке большого круга

памятников, в том числе буддийского искусства и храмов, не обсуждаются достоинства и недостатки методики раскопок, не оценено новаторство в изучении искусственного орошения, экологической ситуации в древности и др.

Описывая деятельность А. Грюнведеля, его достижения Алиса Юльевна сводит к открытиям объектов буддийского и манихейского искусства. Большие сожаления вызывает отсутствие оценок его работ, а также фон ле Кока и Г. Хута в свете современной науки. Не упоминает А.Ю. Борисенко об археологической деятельности английской миссии Т. Форсайта в Восточный Туркестан в 1873-74 гг. и капитана Боуэра в 1888-1889 гг., французской экспедиции Ж-Л. Дютрей де Рена и Ф. Гренара в 1890-1895 гг., как и о ценных и прозорливых культурно-хронологических интерпретациях Ф. Гренара, упущены американская экспедиция Э. Хантингтона и Р. Баррета в 1905-1906 гг. в оазисах Ния и на оз. Лобнор, французская экспедиция и выдающиеся раскопки П. Пеллио в 1906-1907 гг. Даже деятельность исследователей с немецкими фамилиями, которым автор выказывает предпочтение, освещена выборочно: упущена экспедиция А. Регеля в 1878-1879 гг. в Турфан и Кульджу, полковника К. Маннергейма в 1906-1908 гг. в Яркенд, Хотан, Кашгар, Турфан, материалы которого публиковались известными учеными Д. Рейтером, Г. Рамстедом, А. Тальгренем в Хельсинки позднее. Хотя в работе имеется раздел о приобретении коллекции И.П. Товостина из Минусинской котловины музеем Хельсинки и публикации ее А. Тальгренем, но выводов о его интерпретациях не сделано (С. 322).

Вывод из главы 4 содержит почему-то только оценку вклада ученых Швеции и Финляндии, мотивированных поиском памятников древних финнов (С. 323), что существенно обедняет картину развития науки в этот период. Факт расшифровки рунической письменности упомянут, но само исследование не описано и не комментируется.

Глава 5, посвященная определению значения деятельности европейских ученых за два с половиной столетия, чрезвычайно мала (7 страниц). Высокие оценки в ней деятельности собирателей и исследователей в XVIII и XIX вв. совершенно справедливы. Выделение такого фактора влияния немецкой науки на российскую

как привлечение к преподаванию в отечественных университетах профессоров, следует признать обоснованным. Также могу согласиться с определением вклада европейских ученых как решающего в начальное развитие таких субдисциплин как финно-угроведение и тюркская руника.

Но вывод о существенном влиянии на развитие науки и музейного дела, приоритете в российской науке немецких ученых, основанном на академическом поведении, выдающейся эрудиции, строгой критике и правилах полемики А.Ю. Борисенко почему-то формулирует не сама, а со ссылкой на мнения Г.С. Лебедева и Е.В. Алексеевой (С. 325-329). Оценка неизбежной энциклопедичности в подходе к исследованию сибирских древностей и комплексности работы также дается со ссылкой на Г.С. Лебедева (1992).

В заключении к тексту диссертации содержится верная идея, что развитие научной мысли шло от осознания принадлежности древностей предкам современных этносов к пониманию более сложной истории и существования исчезнувших народов. Отмечено активное привлечение европейскими профессорами студентов к исследовательскому процессу, что и по сей день является лучшим способом подготовки научных кадров.

С тезисом о высокой потенциальной роли уникальных коллекций членов Академических экспедиций для развития науки, которые по сей день не обработаны и не используются в качестве источников (С. 333), трудно согласиться. Причина этого справедливого факта осталась не ясной, складывается мнение, что это в большинстве своем депаспортизированные, а поэтому и обесцененные материалы. Иначе почему автор диссертации не проделала эту работу для приложения?

Некоторые выводы Алисы Юльевны нахожу спорными. Например, приоритет в применении принципов технологической археологической периодизации отдан В.В. Радлову (С. 334), тогда как имеются доказательства его применения М.М. Геденштромом в 1830 г. (Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск, 2009, с. 41). Кроме того, автор считает, что европейские специалисты стояли у истоков основных субдисциплин в археологии и были первооткрывателями многих археологических культур (С. 335), с чем нельзя согласиться в отношении

